

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-74-81

Вестники смерти в русской литературе (на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и повести И. С. Тургенева «Несчастная»)

Мария Игоревна Крупенина

Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, Россия

psickozzza@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2482-8593>

Аннотация

Рассматриваются вестники смерти в повести И. С. Тургенева «Несчастная» и романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». В повести «Несчастная» вестником смерти выступает фантом девушки, которая впоследствии умирает при таинственных обстоятельствах. Он является не только предзнаменованием ее смерти, но и своеобразным зовом о помощи. В романе «Анна Каренина» вестник смерти предстает в образе «хтонического» мужика и становится предзнаменованием страшной гибели героини. Вестник смерти не только предупреждает о надвигающейся смертельной опасности, но также свидетельствует о типе смерти, уготованной данным персонажам.

Ключевые слова

вестник смерти, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, фантом, сверхъестественное, смерть

Для цитирования

Крупенина М. И. Вестники смерти в русской литературе (на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и повести И. С. Тургенева «Несчастная») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 74–81. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-74-81

Death Messengers in the Russian Literature of the 19th Century (On Tolstoy’s Novel “Anna Karenina” and Turgenev’s Story “The Unfortunate One”)

Maryia I. Krupenina

State Academic University for the Humanities
Moscow, Russian Federation

psickozzza@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2482-8593>

Abstract

Purpose. The article is devoted to the analysis of death messengers, their role and meaning in Ivan Turgenev’s story “The Unfortunate One” and Leo Tolstoy’s novel “Anna Karenina”.

Results. In Turgenev’s story a herald of death is presented as a phantom, a soul manifestation of the young woman who subsequently dies under mysterious circumstances. At the same time, the phantom appears not to the gaze of the female character, who falls victim to family intrigues, but to her spiritual friend, Pyotr Gavrilovich. The young student perceives a strange vision as an optical illusion, but sees the next clue that is a dream, a premonition of an impending disaster. A light phantom of the young woman is both an omen of her impending death, and a kind of call for help.

© Крупенина М. И., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 74–81

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 74–81

In “Anna Karenina”, the messenger of death appears in the form of an infernal old man and becomes a sign of the terrible death of an unfortunate woman. His horrible appearance is a reflection of the horror that Anna Karenina faces in the last minutes of her life.

Conclusion. Death messengers warn of impending danger but also let us guess the type of death awaiting the heroes by their look.

Keywords

messengers of death, Leo Tolstoy, I. S. Turgenev, phantom, supernatural, death

For citation

Krupenina M. I. Death Messengers in the Russian Literature of the 19th Century (On Tolstoy’s Novel “Anna Karenina” and Turgenev’s Story “The Unfortunate One”). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 74–81. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-74-81

Введение

Согласно народным поверьям, часто перед смертью людям являются различные видения, и многие могут предчувствовать свою смерть. В этих миражах сознания появляются образы умерших родственников или inferнальных существ, предупреждающих о надвигающейся опасности [Аръес, 1992].

Потусторонние послания чаще всего вторгаются в реальный мир посредством вещей снов и видений. Мотивы сна нередко встречаются в творчестве русских писателей, заключая в себе сакральный смысл и выступая в качестве своеобразного предсказания. В такого рода снах часто фигурирует некая темная сущность, зачастую выступающая как архетип и восходящая к мотиву двойничества. Обращаясь к этому феномену, писатели стремятся показать растущий внутренний разлад, борьбу двух начал в душе героя, в результате которой он находит путь к свету – истине или погружается во тьму, окончательно теряя власть над своей душой [Баохуэй, 2022].

Иногда образ темного человека или тень смерти выступает не только как таинственный двойник, а как вестник загробного мира, который предупреждает об опасности и свидетельствует о типе смерти, уготованной человеку. В повести И. С. Тургенева «Несчастливая» (1869) вестником смерти выступает белый фантом девушки. При этом он является взору не самой героини, павшей жертвой семейных интриг, а ее духовному другу – студенту Петру Гавриловичу. Молодой человек принимает странное видение за обман зрения, но получает подсказку во сне, ставшем предвестником беды. Являющийся молодому студенту фантом, а затем сон персонажа служат предупреждением и предзнаменованием несвоевременной кончины девушки.

«Не своя» смерть представлена в видениях, в которых появляется inferнальный образ страшного старика, уроды, карлика, инкуба, внушающий ужас своим видом. В дьявольском облике и действиях такого существа зачастую угадывается намек на убийство или самоубийство героя. К. П. Крамер в книге «Сны о смерти: раскрывая тайны бессознательного» (1993) отмечает, что сон или видение, в котором фигурирует образ демона, в архаических формах несет смертельную угрозу для человека, увидевшего такой сон, и представляет собой своего рода пророчество [Крамер, 1993].

Анализируя образы смерти в русской литературе, Т. А. Лисицина замечает, что чаще всего в этих образах предстают «низшие морфологические существа, сохраняющие гипертрофированное человеческое обличье» [1995, с. 54]. В такой ипостаси вестник «не своей» смерти представлен в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (1877). В этом произведении образ страшного мужика, появляющегося вначале только в сновидениях героини, а затем переходящего из потустороннего мира в мир действительный, становится предзнаменованием страшной гибели героини.

Результаты исследования Дух смерти в повести И. С. Тургенева «Несчастливая»

В творчестве И. С. Тургенева теме смерти отведено особое место. Писатель признает существование высших сил, которые сильнее человека и неподвластны разуму, но посылают ему предупреждения и подсказки в виде загадочных предзнаменований, видений и снов. Реалистическому видению писателя не чужды были также приметы и суеверия, иногда граничащие с мистицизмом. Все подобные элементы приобретают не столько фантастический, сколько психологический характер [Топоров, 1998]: при правильном декодировании они позволяют приоткрыть завесу тайного будущего.

Способность разгадать эти грустные намеки судьбы, намеки о том, что смерть присутствует здесь и сейчас, зависит, по мнению писателя, от чуткости души человека и способности читать ниспосланные свыше знаки. В романе «Накануне» (1860) Елена Стахова, предчувствуя близость кончины своего супруга, так выражает свои мысли о неотвратимости смерти: «Неужели же нельзя умолить, отвратить, спасти... <...> Неужели уже довольно! Я была счастлива не одни только минуты, не часы, не целые дни – нет, целые недели сряду! А с какого права» (Тургенев, 1981, т. 6, с. 291). В этом эпизоде внутренний монолог девушки представлен как потенциальный диалог, торги со смертью, которая уже пришла и ждет момента, чтобы забрать свою жертву за испытанное ею счастье.

В тургеневской повести «Несчастливая» вестник смерти представлен фантомом девушки Сусанны. Она предчувствует свою смерть и поэтому приходит к студенту Петру – человеку, который ей духовно близок, – чтобы передать ему свой дневник. За окном бушует метель, навевающая мысли о безысходности жизни как таковой. Для Сусанны метель становится отражением ее душевного состояния. Все ее движения передают сумятицу чувств – волнения, беспокойства, тревоги, вторящих разыгравшейся стихии: «...она приблизилась к окну и, прислонившись к стене плечом, осталась неподвижной; только грудь судорожно поднималась, и глаза блуждали, и с легким оханьем вырывалось дыхание из помертвевших губ» (Тургенев, 1981, т. 8, с. 87)¹.

Загадочное появление девушки внушает молодому человеку смутное беспокойство. Он видит, что на ней лежит печать смерти, как будто «чей-то неумолимый перст <...> навсегда отметил это погибшее существо» (с. 80). Впоследствии предчувствие Петра Гавриловича усиливается, а затем принимает конкретную форму видения. Это происходит, когда его навещает приятель Фустов. Молодой студент рассказывает историю несчастной девушки, и ему внезапно грезится, что «на окне сидит, склонившись на руки, бледная женская фигура»: «Свечи нагорели: в комнате было темно. Я вздрогнул, взгляделся пристальнее, и ничего, конечно, не увидел на подоконнике, но какое-то странное чувство, смешение ужаса, тоски, сожаления, охватило меня» (с. 121). Студент обращает внимание на время: на часах было одиннадцать часов ночи. Осознавая, что видение является предзнаменованием чего-то ужасного, он призывает своего друга сейчас же отправиться к Сусанне, но Фустов остается глух к словам Петра Гавриловича. Молодой студент, не связанный с героиней никакой любовной и близкой дружеской связью, единственный способен видеть знаки судьбы. Это объясняется свойственной ему способностью сопереживать и в этом сопереживании понимать душу девушки. Так, за время их нечастых встреч, между героями протягивается духовная нить, позволяющая им понимать друг друга без слов.

Сам герой тоже не решается покориться зову своего сердца, воспринимая увиденное в качестве игры воображения. Позже Петр Гаврилович видит сон: «Мы с Сусанной бродим по каким-то подземным сырым переходам <...> и всё глубже и глубже спускаемся вниз <...> и кто-то всё время беспрестанно зовет нас» (с. 122). Постепенное погружение героев вниз, под землю свидетельствует об окончательной потере жизненных сил. Обращают на себя внимание и звуки, которые слышит Петр Гаврилович, – они однообразны и жалобны. Сон

¹ В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.

является продолжением видения. Белый фантом Сусанны – ее светлая душа – не только предзнаменование ее смерти, но и зов о помощи, на который никто не откликается.

О смерти девушки молодой дворянин узнает постфактум. Сусанна умирает в полночь – роковое время, являющееся символом начала и конца, постоянного перевоплощения жизни. Когда Петр Гаврилович видит тело умершей девушки, он отмечает, что на ее лице было такое выражение, будто «она собралась крикнуть отчаянным криком, да так и замерла, не произнеся звука... даже морщинка между бровями не изгладилась, а пальцы на руках были подвернуты и сжаты» (с. 125). Ужас, застывший на лице и в позе героини, а также сам факт ее смерти составляет как для героя, так и для читателя своеобразную загадку. Невольно возникает вопрос: отчего умирает молодая девушка?

Прочитывая печать ужаса на лице Сусанны, молодой дворянин приходит к выводу, что девушка всё-таки умирает не своей смертью, а смертью насильственной. Немногим позже он узнает, что причиной ее гибели послужило расширение сердца, называемое в народе разрывом. К этому привели, по замечанию хладнокровного Ратча, «сильные ощущения».

В. Г. Щукин отмечает, что «такую смерть формально нельзя назвать самоубийством, ибо эти герои (автор имеет в виду героев повестей «Стук... стук... стук...!» и «Несчастная». – М. К.) не накладывают на себя руки, а *угасают*» [2016, с. 271–272]. Уход девушки из жизни не лишен загадочности, а напряженная маска смерти, запечатленная на ее лице, свидетельствует о трагичности ее ухода, о неспособности умереть с упокоенной душой посредством традиционного таинства очищения – покаяния и причащения. Смерть героини в таком контексте не лишена мистического ореола.

Предзнаменование смерти в романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстого

Л. Н. Толстой, как и И. С. Тургенев, часто обращается к теме смерти. П. Бицилли замечает, что «предметом, на который неизменно была устремлена душа Толстого, была – смерть <...> как загадка, являющаяся загадкой самой жизни» [Бицилли, 2000, с. 473]. Еще ранее на эту увлеченность Л. Н. Толстого таинством смерти обращает внимание М. Бахтин: «Его (Л. Н. Толстого. – М. К.) интересует смерть для себя, т. е. для самого умирающего» [Бахтин, 1997, с. 347].

Таинство или мистика смерти выражается у Л. Н. Толстого и посредством столкновения с иррациональными силами. Писателю не чужда была магия обыденного, проявляющаяся в «говорящих» суевериях, предзнаменованиях, предчувствиях и встречах с потусторонними силами [Гуреева, 2006]. В этом отношении особый интерес вызывает роман «Анна Каренина» (1877). Здесь смерть обретает конкретное воплощение в образе зловещего старика, рождающего непреодолимый ужас в душе главной героини и выступающего в качестве вестника ее ужасной кончины.

Роковой поступок героини, среди прочего, можно объяснить сугубо психологическими факторами. К самоубийству женщину толкает ее новое положение в обществе (она становится «нищей с ребенком» (Толстой, 1935, с. 344)²). Судьба Анны может быть истолкована и ее прозрением, разделившим жизнь на «до» и «после» и сделавшим дальнейшую связь с Вронским невозможной. Однако и мучающий Анну кошмар, в котором неизменно появляется образ страшного мужика, по-своему объясняет трагический исход ее жизни.

Первое описание зловещего образа мужика появляется во сне Анны до рождения дочери. Некоторые исследователи полагают, что этот страшный мужичок является героине задолго до этого сна в образах настоящих людей, а затем в качестве неосознанного воспоминания фигурирует в ее видениях [Сато, Сорокина, 1998]. Таков, например, образ сторожа, попавшего под поезд. Однако inferнальное начало в этом персонаже отсутствует. При этом Анна не видит сторожа, хотя произошедший случай расценивает как «дурное предзнаменование».

² В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы.

Если обратиться ко сну героини, то в нем мужик «с взъерошенной бородой» наделен зловещими, животными свойствами и предстает, скорее, как демон. Впервые Анна замечает его в углу своей спальни: «Он копошится и приговаривает по-французски, скоро-скоро и, знаешь, грассирует: – “Il faut le battre le fer, le broyer, le pétrir...”» (т. 18, с. 381).

Алексей Вронский тоже видит подобный сон: «Мужик-обкладчик, кажется, маленький, грязный, со взъерошенной бородкой, что-то делал, нагнувшись и вдруг заговорил по-французски какие-то странные слова» (т. 18, с. 375). Во сне Вронского образ мужика более детализирован: это в первую очередь мужик-обкладчик. Через ассоциацию с охотой подчеркивается дьявольская сущность персонажа, расставляющего капканы для своей жертвы. Грязь, животный вид, маленький рост мужичка вселяют в обоих героев ужас и предчувствие беды. Вронский пытается отогнать эти мысли, Анна спокойно принимает их. Она знает, что умрет. Видения героев – признак их таинственной связи, подсознательного чувствования друг друга.

В какой-то степени Анна воспринимает этот эпизод как свидетельство опасных последствий своей страсти. Будучи замужней женщиной и вступив в преступную связь, Анна поэтому и воспринимает потустороннее послание буквально – как кару за прелюбодеяние. Молодая женщина открыто признает себя «погибшей», хотя в глубине души не жалеет о любовной связи с Вронским, так как ее любовь лишена фальши.

Во время родов Анна, действительно, переживает символическую смерть. Духовные и физические муки, испытываемые ею в бреду, восходят к христианской традиции покаяния и прощения. В этом эпизоде как нельзя лучше показано ее стремление примирить желаемое и действительное, впервые проявившееся в привидевшемся ей когда-то сне: «Ей снилось, что оба вместе были ее мужья, что оба расточали ей свои ласки. <...> И она, удивля[лась] тому <...> что они оба теперь довольны и счастливы» (т. 18, с. 159). Теперь на смертном ложе это желание полностью реализуется и воплощается в сцене мнимого примирения любовника и мужа. Анна облегчает ношу своего греха, получив прощение законного супруга, и вновь возрождается к жизни.

Тем не менее, образ страшного мужика вновь врывается в жизнь Анны, когда страсть Вронского сменяется раздражением. Б. М. Эйхенбаум интерпретирует этот образ как «символ ее (Анны. – М. К.) греха» [1974, с. 188]. Тогда Анна предстает как падшая женщина, заслуживающая той участи, которая выпадает на ее долю. С другой стороны, она противопоставлена таким двуличным и предающимся пороку светским женщинам, как княгиня Бетси Тверская или графиня Вронская. Почему же эти падшие женщины не впадают в отчаяние и не погибают? Остаются ли они живы потому, что продолжают вести искусственную жизнь? Эти и другие вопросы, неоднократно возникающие при чтении эпизодов, где встречается упоминание о зловещем мужике, свидетельствуют о том, что его символизм намного сложнее. Он примечателен не только тем, что связывает героев в обоюдном грехе.

Объясняя значимость образа мужичка, литературоведы особое внимание обращают на его связь с железом, которая в первую очередь обыгрывается в повествовании словами «Il faut le battre le fer, le broyer, le pétrir...» (с фр. «ковать, толочь, мять»). Г. Т. Андреева [2015] выражает мнение, что «мужик – символ злого духа животной страсти». Исследователи Ю. Сато и В. В. Сорокина тоже обращают внимание на связь мужика с железом. В этом образе они обнаруживают «архетипические черты кузнеца», олицетворяющего собой «зло современности» – железную дорогу, которая в итоге «вводит героиню во грех» и губит ее [1998, с. 150].

Образ мужичка действительно представляется архетипическим, он как бы вырастает из глубин бессознательного и предстает как некая иррациональная сила [Безчасный, 2019]. Сон Анны – проявление такого иррационального порядка. При этом исследователи мало обращают внимания на тот факт, что «страшный кошмар» вторгается в жизнь Анны задолго до связи с Вронским (т. 19, с. 332). Она отмечает, что уже давно видела этот сон (т. 18, с. 381). В этом случае образ старика не может рассматриваться как аллегория пагубной страсти или греха, а представляется как дьявольский промысел.

Ключ к пониманию этого образа – следующий сон Анны, который она видит в пору охлаждения к ней Вронского. Что немаловажно, ему предшествует своеобразное видение. Анне кажется, что над ней витает дух смерти. Такая ассоциация возникает из-за зловещих теней, игра которых строится по принципу смысловой градации (рванулись, сбежали, надвинулись, поколебались, слились), создавая эффект растущей тени (т. 19, с. 331). Этот эпизод свидетельствует о том, что образ смерти, представленный фигурой мужичка, уже выходит из области бессознательного, переходя в реальный мир. Порывистые движения теней по-своему отражают действия мужика: «Старичок с взлохмаченной бородой <...> дела[л] какое-то страшное дело в железе над нею» (т. 19, с. 331). В этом сне страшный мужик уже приводит свои слова в исполнение. Мужик-обкладчик в метафорическом смысле выковывает железный капкан – символ безвыходности и сознательного обмана, куда всё больше погружается его жертва, осознавая искусственность своего положения. Слова мужика звучат как своеобразная анафема, проклятие, предначертанное исполниться, а сам мужик выступает как символ «не своей» смерти, уготованной героине.

Мужик во сне Анны – не статическая фигура. По дороге на станцию, где героиня совершает самоубийство, он уже предстает в образе реального человека: «Испачканный уродливый мужик в фуражке <...> прошел мимо этого окна, нагибаясь к колесам вагона. «Что-то знакомое в этом безобразном мужике» (т. 19, с. 345). На самой станции Анна внезапно вспоминает «о раздавленном человеке в день ее первой встречи с Вронским». Это воспоминание подталкивает ее к роковому поступку. Становится очевидным, что в пылу духовных терзаний Анна уже не принадлежит себе. Об этом свидетельствует ее будто загипнотизированное затуманенное состояние, ее поток сознания. В момент смерти перед мысленным взором Анны вновь возникает образ безобразного мужика: «Она хотела подняться, откинуться; но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову и потащило за спину. <...> Мужичок, приговаривая что-то, работал над железом» (т. 19, с. 349).

Неоднократное появление образа ужасного старика в жизни Анны становится предвестником ее трагической гибели, а его слова – своеобразным проклятием-заклинанием. В свою очередь, его ужасный вид напрямую связан с типом ужасной смерти, которая выпадает на долю загубленной души.

Заключение

В рассмотренных произведениях вестники смерти предупреждают о надвигающейся опасности и служат своеобразной подсказкой-предостережением. Кроме того, вид вестников свидетельствует о типе смерти, уготованной героиням произведений. В повести И. С. Тургенева «Несчастливая» таким вестником выступает светлый фантом девушки. Он не вызывает у героя, увидевшего его, чувства пронзительного страха, но словно призывает прислушаться к зову о помощи.

В романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстого вестником смерти выступает страшный мужик с «взъерошенной бородой» и мешком. Героиня не преодолевает своего страха перед этим дьявольским образом. Незадолго до кончины Анны страшный мужик всё чаще врывается в ее настоящее. Его вид – это отражение того ужаса, с которым в последние минуты своей жизни сталкивается Анна.

В творчестве И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого вестники смерти выступают своего рода проводниками в мир тайного и неизведанного.

У смерти своя мелодия, но даже в ее привычном потоке иногда могут случаться сбои, когда человек находит в себе силы прислушаться к зову своей интуиции.

Список литературы

- Андреева Г. Т. Система символических образов в романах Л. Н. Толстого // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 4-2 (35). С. 79–81.
Арбес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс-академия, 1992. 527 с.

- Баохуэй Т.** Функция архетипа тени в литературе («Истинный и фальшивый царь обезьян» в «Путешествии на запад» у Чэн-Эня, «Тень» Х. К. Андерсена и «Нос» Н. В. Гоголя) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 3. С. 52–57.
- Бахтин М.** Заметки // Бахтин М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Рус. словари, 1997. Т. 5. 732 с.
- Безчасный К. В.** Социально-этические аспекты самоубийства в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (часть 2) // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2019. № 1. С. 109–124.
- Бицилли П. М.** Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого // Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб.: РХГА, 2000. С. 473–499.
- Гуреева Н. В.** Поэтика романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: бессознательное, художественное время, цветовая образность: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006. 21 с.
- Лисицина Т. А.** Образы смерти в русской литературе: лингвистика, поэтика, философия // Альманах «Фигуры Танатоса». Тема смерти в духовном опыте человечества: Материалы второй международной конференции. СПб., 1995. С. 54–59.
- Сато Ю., Сорокина В. В.** «Маленький мужик с взъерошенной бородой» (Об одном символическом образе в «Анне Карениной») // *Philologica*. 1998. № 5. С. 139–153.
- Топоров В. Н.** Странный Тургенев (Четыре главы). М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. 192 с.
- Щукин В. Г.** Тургенев и Гёте. Нечто о психопоэтике, Эросе и красоте // Изв. Самар. НЦ РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. № 18 (1–2). С. 286–276.
- Эйхенбаум Б. М.** Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.: Худож. лит., 1974. 360 с.
- Kramer Kenneth P.** *Death Dreams: Unveiling Mysteries of the Unconscious Mind*. New York, Paulist Press, 1993, 288 p.

Список источников

- Толстой Л. Н.** Полн. собр. соч.: В 90 т. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1934. Т. 18: Анна Каренина. Ч. 1–4. 556 с.; 1935. Т. 19: Анна Каренина. Ч. 5–8. 556 с.
- Тургенев И. С.** Соч.: В 12 т. М.: Наука, 1981. Т. 6: Дворянское гнездо. Накануне. Первая любовь. 495 с.; Т. 8: Повести и рассказы. 541 с.

References

- Andreeva G. T.** Sistema simvolicheskikh obrazov v romanakh L. N. Tolstogo [The system of symbolic images in the novels of Leo Tolstoy]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International Research Journal]*, 2015, no. 4-2 (35), pp. 79–81. (in Russ.)
- Aries Ph.** Chelovek pered litsom smerti [Images of man and death]. Moscow, Progress-akademiya Publ., 1992, 527 p. (in Russ.)
- Bakhtin M.** Zametki [Notes]. In: Bakhtin M. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*. In 7 vols. Moscow, Russkie slovari, 1997, vol. 5, 732 p. (in Russ.)
- Baohui T.** Funktsiya arkhetaipa teni v literature (“Istinnyi i fal'shivyi tsar' obez'yan” v “Puteshestvii na zapad” u Chen-Enya, “Ten” Kh. K. Andersena i “Nos” N. V. Gogolya) [The function of the archetype of shadow in literature (“True and False Monkey King” in “Journey to the West” by Cheng'en Wu, “The shadow” by H. Ch. Andersen and “The Nose” by N. V. Gogol)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Proceedings of Voronezh state university. Series: Philology. Journalism]*, 2022, no. 3, pp. 52–57. (in Russ.)
- Bezchasny K. V.** Sotsial'no-eticheskie aspekty samoubiistva v romane L. N. Tolstogo “Anna Karenina” (chast' 2) [Social and ethical aspects of suicide in the novel by L. N. Tolstoy “Anna Karenina” Pt. 2]. *Obozrenie psikhatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V. M. Bekhtereva [V. M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology]*, 2019, no. 1, pp. 109–124. (in Russ.)

- Bitsilli P. M.** Problema zhizni i smerti v tvorchestve Tolstogo [The problem of life and death in Leo Tolstoy's works]. In: L. N. Tolstoi: pro et contra. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2000, 984 p. (in Russ.)
- Eikhenbaum B. M.** Lev Tolstoi. Semidesyatye gody [Leo Tolstoy. The seventies]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1974, 360 p. (in Russ.)
- Gureeva N. V.** Poetika romana L. N. Tolstogo "Anna Karenina": bessoznatel'noe, khudozhestvennoe vremya, tsvetovaya obraznost' [The Poetics of Tolstoy's Novel "Anna Karenina": The Unconscious, Artistic Time, Color Imagery]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Nizhniy Novgorod, 2006, 21 p. (in Russ.)
- Kramer Kenneth P.** Death Dreams: Unveiling Mysteries of the Unconscious Mind. New York, Paulist Press, 1993, 288 p.
- Lisitsina T. A.** Obrazy smerti v russkoi literature: lingvistika, poetika, filosofiya [Images of death in Russian literature: linguistics, poetics, philosophy]. In: Al'manakh "Figury Tanatosa". Tema smerti v dukhovnom opyte chelovechestva [Almanac "Figures of Thanatos". The theme of death in the spiritual experience of mankind]. Proceedings of the second international conference. St. Petersburg, 1995, pp. 54–59. (in Russ.)
- Sato Yu., Sorokina V. V.** "Malen'kii muzhik s vz'eroshennoi borodoi" (Ob odnom simvolicheskom obraze v "Anne Kareninoi") ["The little man with the tousled beard": (about one symbolical image in "Anna Karenina")]. *Philologica*, 1998, no. 5, pp. 139–153. (in Russ.)
- Shchukin V. G.** Turgenev i Gete. Nechto o psikhopoetike, Eroze i krasote [Turgenev and Goethe. Something about psychopoetics, Eros and beauty]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences], 2016, no. 18 (1–2), pp. 286–276. (in Russ.)
- Toporov V. N.** Strannyi Turgenev (Chetyre glavy) [Strange Turgenev (Four chapters)]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 1998, 192 p. (in Russ.)

List of Sources

- Tolstoy L. N.** Complete works. In 90 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1934, vol. 18: Anna Karenina. Ch. 1–4, 556 p.; vol. 19: Anna Karenina. Ch. 5–8, 556 p. (in Russ.)
- Turgenev I. S.** Works. In 12 vols. Moscow, Nauka, 1981, vol. 6: Dvoryanskoe gnezdo. Nakanune. Pervaya lyubov' [Home of the gentry. The day before. First love], 495 p.; vol. 8: Povesti i rasskazy [Tales and stories], 541 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Мария Игоревна Крупенина, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID AAU-1838-2021
SPIN 9518-9870

Information about the Author

Maryia I. Krupenina, Candidate of Sciences (Philology)
WoS Researcher ID AAU-1838-2021
SPIN 9518-9870

Статья поступила в редакцию 21.11.2022;
одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 15.12.2022
The article was submitted on 21.11.2022;
approved after reviewing on 05.12.2022; accepted for publication on 15.12.2022